

МУЖСКИЕ ИГРЫ

ЗОЛОТАЯ ЧУМА

**Алексей
БАСКАКОВ**

Мужские игры (Вече)

Алексей Баскаков

Золотая чума

«ВЕЧЕ»

2013

Баскаков А.

Золотая чума / А. Баскаков — «ВЕЧЕ», 2013 — (Мужские игры (Вече))

ISBN 978-5-4444-8719-8

1960-е. Бывший морпех Алексей Котов демобилизуется из армии и возвращается в родной Магадан. Котов становится водителем у ведущего инженера Управления геологии Старкова. Однако случайная встреча с бывшим сослуживцем, а ныне – капитаном КГБ Мельниковым в корне меняет жизнь Алексея. Вскоре Старков организует экспедицию в тайгу для основания нового прииска и берет с собой Котова. Но то, что ищет экспедиция, разыскивают и другие люди, в результате все предприятие оказывается под угрозой. В то же время в Москве сотрудники КГБ, расследуя дело о хищении золота, находят старинную карту, на которой обозначено место в колымской тайге, куда отправилась группа Старкова. В результате решительных действий капитана Мельникова Старков и его агент в Магадане раскрыты, и оба погибают при задержании, но перед смертью Старков раскрывает тайную цель экспедиции...

ISBN 978-5-4444-8719-8

© Баскаков А., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1. С мертвых спрос короткий	8
Глава 2. Приключения сами тебя найдут	13
Глава 3. Дикий Восток	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Баскаков

Золотая Чума

© Баскаков А., 2013

© ООО «Издательство „Вече“», 2013

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Пролог

25 августа 1952 года, колымская тайга

Дальневосточная тайга – это вам не какой-нибудь пригородный лес, куда горожане отправляются за грибами или на шашлыки. По-настоящему понять, что такое тайга, может только тот, кто там побывал. Не зря в популярной некогда песне ее сравнили с морем. Море и есть. Можно идти день, два, три, неделю... Блуждать в горных ущельях и распадках, вязнуть в заболоченных руслах ручьев, продираться сквозь свирепый кустарник. И все равно будет одно и то же: бесконечное нагромождение деревьев, сплошная глушь и безлюдье.

Но колымская тайга – совсем особая статья. Непривычного человека она поражает своей безжизненностью. Здесь очень мало подлеска – лишь на открытых местах виднеется корявый кедрач. Среди редко стоящих лиственниц лежат их умершие собратья, выставив к небу скрюченные корни. Здесь очень хорошо понимаешь простую истину – человек никакой не «царь природы». В тайге он – так, ямка в пространстве.

По тайге полз человек. Уже вовсю раскошегарилась ранняя северная осень – иголки лиственниц приобрели блекло-желтый цвет, землю покрывал ковер из опавшей хвои. Красивое зрелище – только вот любоваться им было некому. Потому что ползущему человеку было совсем не до красот природы. Конечно, зрелище осенней первозданной природы радует глаз, когда ты сыт и силен, когда у тебя за плечами карабин и мешок с консервами, когда ты уверен, что вернешься туда, где есть люди, лай собак, крыша, огонь в печке и кипящий на ней чайник.

Но у ползущего по тайге человека не было ни сил, ни оружия, ни еды. Его лицо, туго обтянутое кожей, воспаленной от бесчисленных укусов комаров, обросшее многодневной щетиной, очень мало напоминало человеческое. Одежда была истрепана до предела, но на рукаве изодранной, запятнанной кровью штормовки сохранилась нашивка «МинГео СССР». Передвигался он тяжело, каждое движение давалось ему с неимоверным трудом.

Впрочем, сейчас ползти было несколько легче, чем несколько часов назад. Путь шел под уклон – и там, в долине, примерно в километре, блестела на неярком колымском солнце змейка ручья. Его целью было – доползти туда. И попить. Самое главное теперь – это попить. Смешно. Раньше он пробежал бы такое расстояние за считанные минуты – и пил бы, не отрываясь, холодную, слегка пахнущую болотом воду. А теперь это целая задача – добраться до воды. А дальше? Дальше ничего непонятно. Может быть – снова ползти. Сколько времени он провел в тайге? Много. Считать в таком состоянии – дело бесполезное. Мозг все равно не работает. Он полз днем, полз ночью. Когда не было сил, спал. Отключался, пока его не будил холод. И снова полз.

Человек был не из слабаков. Он прошел сотни таежных километров. И видел всякое. Его не слишком беспокоила перспектива остаться здесь навсегда. Все честно. Половину жизни он занимался тем, что пытался покорить тайгу. Ну а за все надо платить. Так что сейчас его гнала вперед уже не жажда жизни. Нужно было рассказать, что ТАМ... Иначе они ведь снова придут, ничего не подозревая. Как те, что до них. Как его экспедиция. И тоже останутся в тайге. Надо добраться и рассказать...

Он продолжал ползти – и в конце концов до ручья осталось всего лишь метров триста. Инстинктивно, – впрочем, в последние дни он все делал инстинктивно, – человек попытался ускорить движение. Это его подкосило. Продвинувшись еще метров на тридцать, он беспомощно замер. Тайга продолжала мерно шуметь. Обычное дело, вечное как мир. Еще один проиграл схватку с великим лесом.

Однако через пару часов снизу по ручью послышались голоса.

– Начальник, покурить можно?

– Чего там, вот дойдем, тогда и покуришь!

Из-за деревьев показались четыре человека, бредущих вдоль ручья. Впереди шли трое, одетые в короткие пальто, перепоясанные веревками, с шапками-ушанками непонятного цвета на головах. На ногах – кирзовые ботинки. Сомнений в их социальной принадлежности быть не могло. Зэки. В руках они держали топоры. Сзади шагал мужчина в ватнике и штанах защитного цвета и в кирзовых сапогах. У него на ушанке была красная звезда, а в руках он держал наперевес армейскую трехлинейку. Видать, это был опытный конвоир, своих подопечных, вооруженных и крепких мужиков, он ни капли не боялся.

– Гражданин начальник, бля буду, человек валяется!

Конвоир тоже увидел лежащего.

– Может, беглый, гражданин начальник?

– Какой, на хрен, беглый! Тут, кроме нашего, никаких лагерей больше нет. А вы не дураки ведь бегать?

– Зачем же нам бегать? У нас скоро срокá кончаются. И вы могли бы с нами не ходить...

– Ладно, кончай болтать. Первухин! Глянь-ка, что с ним.

Один из зэков подошел к лежащему.

– Вроде геолог, гражданин начальник. Без сознания он. Истощен только – е-мое... Когда в сорок седьмом у нас из лагеря один в лес подался – его через неделю таким же доставили. О! Пулевая!.. Две пулевые раны! Кто ж его так... Гражданин начальник, а он не из той ли экспедиции, что проходила...

– Из той – не из той! Зэк – не зэк. Что делать – придется тащить. Берите-ка его.

Тут подал голос другой зэк, здоровенный детина:

– Гвоздь, слышь, вали его ко мне на плечи. Так сподручнее будет.

– Ого! Легкий-то какой... – С этими словами двое зэков закинули «находку» на плечи третьего – и процессия двинулась в обратную сторону.

Глава 1. С мертвых спрос короткий

27 июля 1965 года, аэропорт Шереметьево

В милицейском отделении царил обычная рутина. Все было как всегда, когда три вылета задержаны на неизвестный срок. Приволокли нескольких граждан, решивших скрасить ожидание чистого неба спиртными напитками и чересчур увлекшихся. Тут же присутствовали и постоянные посетители данного места – домодедовский поэт Игорь Панин и его друзья. Эти служители муз взяли привычку проводить свои поэтические шашаши в ресторане аэропорта. Сначала – чтение стихов, потом – творческие споры с упоминанием Евтушенко и Вознесенского, во время которых участники дискуссии иногда наносили серьезный ущерб ресторанной мебели и посуде. Одних объяснительных от этой компании хватило бы на издание небольшого сборника. Тем более, что сам Игорь Панин писал эти самые объяснительные исключительно гекзаметром. «Я, Игорь Панин, доставленный был в отделение, взятый за то, что поспорил с придурком. Из Ленинграда. Он громко кричал, что Соснору никто превзойти не сумеет. Как ему было не дать по хлебалу?»

Начальник отделения был человеком культурным. Он аккуратно подшивал всю эту стихотворную продукцию в папки, но не давал делу никакого ходу.

– Ничего, может, потом за ними литературоведы будут охотиться. Есенин ведь тоже был не самым порядочным гражданином. Что с них взять, с поэтов?

Надо сказать, что в те времена поэты были примерно как сегодняшние поп-звезды. Они собирали стадионы – и писание стихов не считалось тогда признаком душевного заболевания. Задержанные в очередной раз поэты чувствовали себя в «гадильнике» вполне непринужденно. Они продолжали во весь голос вести дискуссии о литературе.

– Да что ты мне лезешь со своим Евтушенко? Кто он? Да никто! Просто...

– Эй, а ну не выражаться! А то поедете у меня на пятнадцать суток! – прикрикнул на них дежурный.

Поэты на секунду примолкли, но потом начали снова:

– А вот ты Высоцкого слышал?

– Да какая это поэзия? Крик и хрип.

– А за Высоцкого я тебе знаю что сейчас...

– Я ж вам сказал: утихните! А то ведь, честное слово, отправлю на полмесяца улицы подметать...

В общем, обстановка в отделении была будничная и, можно даже сказать, душевная. И вот тут-то случилось ЭТО.

Двери отделения распахнулись и на пороге возник милиционер Агафонов. Он прибыл не один, а с добычей. Агафонов волочил за руку невысокого, но жилистого мужичка, удивительно похожего на хорька.

– Ну что ты мне руку ломаешь? Я и сам пойду! – орал тот.

При взгляде на задержанного сразу становилось понятно, какого рода рыбу поймал молодой милиционер. Руки мужика были изукрашены синими татуировками, свидетельствовавшими, что тюрьма – если и не родной его дом, то уж точно привычное пристанище. Лицо же Агафопова напоминало морду подростка-кота, который словил свою первую мышь и теперь несет ее, чтобы похвастаться маме-кошке.

Агафонов совсем недавно сменил зеленую армейскую форму на синюю милицейскую. Как все новички, он мечтал тут же переловить всех, кто кое-где у нас порой... По крайней

мере, на вверенной ему территории аэропорта. Как и многим другим, ему пришлось убедиться: милицмейская служба – занятие не самое романтичное. Скорее тяжелое, грязное и однообразное. Но кто ищет – тот всегда найдет. Вот улыбнулась судьба и Агафонову.

– Товарищ старший лейтенант, задержан человек, забиравший из автоматических камер хранения чужой чемодан.

Слава тебе господи! Дело в том, что в последнее время в аэропорту участились случаи краж в автоматических камерах хранения – недавно появившейся новинке. Идея, конечно, хорошая – кидаешь себе денежку, набираешь шифр – и клади вещи. Никаких очередей, приемщиков и квитанций. Но возникли трудности. Оно и понятно. Прилетает, допустим, бабушка из глухой деревни и смотрит на камеру хранения как баран на новые ворота. Не понять ей ее нехитрого устройства. Вот она и кличет доброхотов:

– Сынок, помоги мне с этой штуковиной разобраться.

Доброхоты, конечно, находятся. Только вот не всегда после такой помощи старушка найдет на месте свои вещи... А бывает еще глупее. Кричат некие деятели чуть ли не через весь вокзал:

– Петя, какой шифр указать?

– Да возьми мой год рождения, девятьсот тринадцатый.

А потом эти граждане являються в отделение и возмущаются – куда смотрит милиция? И если есть заявления – то имеются втыки от начальства. Чем вы там занимаетесь, если порядок обеспечить не можете?

– Правильно взял? – спросил старший лейтенант.

– Так точно! Вот преступник, вот чемодан, который он доставал.

С этими словами Агафонов отпустил руку задержанного и показал чемодан, который держал в левой руке.

– Ты задержанного обыскивал?

– Никак нет. Как схватил, так сразу его к вам и потащил...

– Идиот! Так что ж ты его отпустил? А если он тебе сейчас пером под ребро?

На лице Агафопова отразилось недоумение. Он как-то не мог представить, что какой-то воришка будет сопротивляться милиционеру – да еще в отделении милиции. Старший лейтенант грустно усмехнулся. Он-то начинал служить в ментах еще в послевоенные времена, когда преступники не только с ножами кидались. Бывало, встречали огнем из разных калибров, включая автоматы. А один раз, когда в Химках брали банду налетчиков, по ним с чердака врезали из немецкого крупнокалиберного пулемета. Теперь, конечно, времена не те. Но мало ли...

– Какое перо? Зачем, гражданин начальник? Я ведь нигде ни в чем не виноват! А если мои документы нужны – то вот они.

На стол дежурного легла справка, из которой следовало, что гражданин Мучник Виктор Анатольевич два месяца назад освобожден из мест заключения.

– Недолго ты, Мучник, на воле погулял. И вот снова... Люди приезжают в столицу нашей Родины, а их на пути обворовывают. О чем они подумают? Что мы с ворьем справиться не можем? Нет, сможем! Так что поедешь ты, Мучник, туда, откуда только что прибыл. И надолго!

– А я что? Ничего я такого не сделал. – На лице задержанного играла добродушная улыбка. Все понятно. Вор, конечно, не пытался изображать оскорбленную добродетель. Судя по его наколкам, Мучник был старым опытным уголовником. И теперь он придерживался старого воровского принципа: мое дело – воровать, твое, мент, – ловить. Но для начала – докажи-ка, что я в чем-то виноват. Поэтому он начал жалобным голосом:

– Какое воровство, гражданин начальник? Да, вот приехал я с Коми, где срок тянул. Так ведь я свое отбыл от звонка до звонка. Сколько нужно было леса – столько и повалил. Денег по пути назад не стало, по дороге поистратился. Сами понимаете, свобода... Ну а тут, в аэропорту,

подходит мужик и говорит: достань, мол, чемодан из камеры, пятерку получишь. А мне что? Пятерка – она нелишняя. Вот я и пошел. А тут ваш налетает, руку крутит...

– Не виноват, значит, – усмехнулся дежурный. – Ладно, разберемся. А пока, Агафонов, раз уж ты именинник сегодня, то бегом за понятыми. Будем чемодан вскрывать.

Понятые нашлись быстро – благо в аэропорту всегда найдется множество людей, которые не знают, куда себя девать в ожидании отложенных рейсов. Супружеская чета во все глаза глядела на Мучника – на первого увиденного ими в жизни вора.

– Итак, товарищи понятые, в вашем присутствии мы вскрываем этот чемодан...

Вещь, кстати, была необычная. Небольшой такой твердый чемоданчик с никелированными замками. Таких, по крайней мере в ГУМе, не продавали. Иностранная, должно быть, вещь. На замках виднелись отверстия для ключей.

– Вот-те на! Ломать, что ли, придется?

Не пришлось. Чемодан открылся без особых усилий. Внутри большую часть места занимали какие-то тряпки. Судя по всему, они предназначались лишь для того, чтобы по чемодану не болтался основной груз. Он, этот основной груз, состоял из трех кожаных колбасок. Размером каждая примерно с батон полукопченой колбасы. Мешочки были пошиты явно кустарным способом из шкуры какого-то непонятного животного. Грубо, но крепко. Каждый – плотно и старательно завязан кожаным же ремешком.

– Посмотрим, что же там внутри.

Дежурный развязал мешок – и на стол посыпался песок. Но не простой песок, а желтый, сверкающий в свете ламп маслянистым ослепительным блеском... Казалось – на столе появилось маленькое солнце – такое нестерпимое завораживающее сияние исходило от этой меленькой кучки! Трудно было усомниться в том, что это такое.

– Золото! – ахнул старший лейтенант. – Значит, ты, Мучник, за пятерку взялся открыть камеру?

Тем временем с вором происходили волшебные перемены. Куда только девались его добродушная веселость и самоуверенность. Теперь на его лице читался откровенный ужас.

– Начальник! Ей-богу, ничего не знал! Ладно, давай буду писать признание. Да, взял я этот чемодан. Я эту ячейку еще с утра немного подправил – она открывалась на раз. Без всяких там шифров. Ну, дождался, пока туда чемодан положат. Взял, а тут ваш... Мамой клянусь, так все было! Я – вор, но в расстрельных делах мне светиться надобности нет. Я тут ни при чем. Украл – сажайте, раз поймали. Но не знаю я ничего про это золото, не знаю! Я помню того, кто положил чемодан. Такой здоровый мужик, с соломенными волосами. А брови у него – черные...

Но дежурный уже не обращал внимания на вопли пойманного вора. Он схватил телефонную трубку:

– Товарищ начальник? У нас ЧП. Я прошу вас срочно спуститься к нам.

Дальше все происходило в темпе вальса. Явившийся подполковник, выслушав доклад и взглянув на золотой песок, тут же, с поста дежурного, стал звонить на Лубянку. Оттуда через полчаса прибыли трое серьезных молодых людей на черной «Волге». Они забрали песок и Мучника. Напоследок один из комитетчиков, крупный молодой человек с лицом непрспавшегося убийцы, бросил:

– Думается, вам не стоит лишний раз напоминать, что все случившееся – государственная тайна. И не дай бог эта информация просочится хоть как-нибудь...

27 июля 1965 года, Москва, проспект Мира

– Ну что там у вас стряслось? – Дознаватель, старший лейтенант Сенченков, направленный сюда по телефонному звонку, сделанному какой-то испуганной гражданкой, обозрел место

происшествия, вокруг которого, несмотря на ночной час, собралась небольшая толпа. Граждане тупо глядели на заляпанный кровью асфальт и – конечно же – лежащее у самой кромки проезжей части тело, накрытое белой простыней.

«Скорая» прибыла уже давно, но лишь для того, чтобы установить: пострадавший в дорожно-дорожно-транспортном происшествии в услугах медиков уже не нуждается. Теперь ожидали другую машину, которая должна была повезти тело в морг.

– Что произошло?

Сержант-ОРУ Довец стал докладывать:

– Согласно показаниям свидетелей пострадавший шел по тротуару и собрался переходить улицу. Дождался зеленого сигнала светофора и вышел на проезжую часть. И тут вон с той улицы появился зеленый «Москвич-407». Он, нарушая правила, выехал на зону перехода и совершил наезд. После чего скрылся с места происшествия.

– Номер установили?

– Никак нет. Один из свидетелей, местный пенсионер, даже специально попытался запомнить номер, но тот оказался забрызган грязью.

– Личность пострадавшего?

– Лозинский Вадим Викторович. Прописан в городе Магадане, улица Ленина, 62, квартира 15. При нем найден использованный авиабилет на рейс Магадан – Москва...

Тем временем медики погрузили тело на носилки. Во время переноски в труповозку простыня немного сбилась в сторону. И присутствующие увидели лицо погибшего – крупного мужчины средних лет, с соломенными волосами и черными бровями...

Из материалов уголовного дела

«Лозинский Вадим Викторович, 1915 года рождения. Окончил среднюю школу в г. Саратове... В 1937 году по комсомольской путевке направлен в органы НКВД. Занимал различные должности в системе „Дальстроя“. Службу закончил в чине капитана. В 1953 году против Лозинского начато служебное расследование по обвинению в злоупотреблении служебным положением. Фактов, подтверждающих обвинение, найдено не было. Однако, согласно поданному рапорту, он был уволен из органов КГБ.

После этого и до настоящего времени занимал должность начальника отдела кадров треста „Магадануголь“. На работе характеризуется с положительной стороны.

Как показала проверка, в последние три года Лозинский часто (10 раз) прилетал в Москву, пребывая в ней один или два дня».

1 августа 1965 года, Магадан

Никто из знакомых и сослуживцев не узнал бы сейчас заместителя начальника транспортной службы треста «Магадануголь» Тимофея Ермакова. Обычно светившийся благодушием, вечно сыпавший шуточками человек, свежий, как огурец из магаданской теплицы, теперь представлял собой бледное дрожащее существо. Он метался по огромной комнате своей сталинской квартиры. То начинал судорожно пихать в чемодан вещи, то вдруг бросал это занятие и принимался бесцельно бегать по комнате, то вдруг замирал, не в силах сдвинуться с места. На его румянном сытом лице читалось выражение неподдельного ужаса. Руки тряслись, как у человека, пробудившегося после жуткой пьянки. Схватив пиджак, он долго не мог попасть рукой в рукав, а потом, застегивая пуговицы, оборвал две из трех.

Причиной такого состояния была доставленная два часа назад телеграмма. Прочитав наклеенные на желтоватый бланк строчки, Ермаков оцепенел.

– Товарищ, расписывайтесь, мне некогда, – вывела его из ступора почтальонша.

Расписавшись, Ермаков торопливо захлопнул дверь и снова перечитал вроде бы безобидные слова:

«ПОСЫЛКУ НЕ ПОЛУЧИЛИ БЕСПОКОИМСЯ ЗДОРОВЬЕМ ТЕТИ
ЖЕНЯ»

Это был крах. Значит, Лозинский не доехал. Что с ним? Арестован? Или, может, решил удариться в бега с товаром? Его не поймешь, проклятого гэбиста. Ведь говорил ему – не зарывайся. Чуял ведь, что добром это не кончится. И так ведь всем капал хороший процент с товара. Что еще нужно? Так ведь нет, ему больше всех надо. Хочется самому рулить. И ведь из органов его именно за это турнули. Повезло ему тогда, что Берия погорел, а то бы так легко не отделался. И вот ведь снова – захотел сыграть в собственную игру. Оторвать кусочек пожирнее. Будто не знал своих бывших товарищей, которые таких дел не прощают...

Ермаковым владело одно желание – бежать! На материк, на Большую землю – на то она и Большая, что там есть где затеряться. Подальше из этой ловушки, куда не ходят поезда, куда не ведут автомобильные дороги. Огромный край – побольше иных европейских стран, – а все здесь, как на ладони.

Самолетов сегодня не было, оставалось одно – порт. Ермаков не один год провел на Севере и в «местностях, к нему приравненных». Только бы добраться до какого-нибудь сухогруза – а там... Пристроят. Хорошо что хоть часть денег положена в Якутске и Москве на сберкнижки. Песок взять не удастся – да черт с ним. Голова – она дороже. Только бы побыстрее скрыться, оставить за бортом этот чертов Магадан, эту проклятую Колыму с ее золотыми миражами...

Ермаков наконец закончил укладывать чемодан. Сунул в карман пиджака бумажник, паспорт и еще один, на другую фамилию – купил пару лет назад, на всякий случай. Сегодня суббота, на работе его хватятся только послезавтра. Может, и повезет, ускользнем. Только бы добраться до Владивостока...

Вчерашний «бугор» и нынешний беглец выскочил из дома, оглядываясь в поисках такси. Как назло, в этот утренний час улица словно вымерла. Ермаков чуть ли не бегом двинулся вперед, нелепо раскачивая свое полное, отвыкшее от резких движений тело.

– Что, Тимоша, бежишь? – раздался за спиной тихий насмешливый голос.

Ермаков вздрогнул, как ужаленный, и хотел обернуться, но не успел. Заточка, направленная умелой рукой, вонзилась в печень...

Убийца, человек с волчьим взглядом опытного зэка, извлек из кармана бумажник, документы – и нырнул в соседний двор. Вскоре оттуда выкатила обшарпанная голенастая эмка-вездеход и исчезла за углом улицы.

Глава 2. Приключения сами тебя найдут

2 апреля 1966 года, Магадан

В России, как известно, вывескам надо верить с осторожностью. Вот и в этом месте, хоть и называлось оно «Чайная», чай никто никогда не пил. Да если бы кто и попробовал здесь, в заведении, которое завсегдатаи ласково окрестили «Поганкой», попросить у буфетчицы Аллы стакан этого полезного напитка, на него, скорее всего, посмотрели бы как на инопланетянина. Ну в самом деле, что можно пить в чайной, расположенной недалеко от порта, где собираются моряки, китобои и различная специфическая шелупонь, которая всегда ошивается неподалеку от мест стоянки и погрузки-разгрузки кораблей? На международной морской фене подобная публика называется beachboarders (безработные матросы). В русском языке представителей этого племени, без которого жизнь в Сибири и на Дальнем Востоке прекратилась бы, зовут несколько короче – бичами.

Жизнь кипела тут с десяти утра, с самого открытия чайной, и до восьми вечера, когда могучая и горластая Алла или ее столь же внушительная сменщица Юлия выталкивали пинками и матюгами тех посетителей, которые уже с трудом шевелили ногами. За деревянными столиками, покрытыми слоем навсегда въевшейся грязи, люди в тельняшках, фуражках и наколках, в бушлатах и ватниках бесконечно выпивали и закусывали. В этой чайной всегда можно было получить дельный совет, куда направить стопы, если появилось желание поработать. По весне сюда заходили и весьма солидные, обремененные грузом ответственности товарищи. Умные помощники начальников экспедиций – геологических, гидрологических и прочих – искали здесь рабочих, желающих отправиться в бескрайние колымские просторы. Ну и, конечно, не обходили это заведение представители профессий, с которыми борется уголовный розыск.

С этим шалманом боролись, его пытались время от времени прикрыть, но торговля, которой эти гадюшники помогали выполнять план, переживала очередную кампанию – и все равно их открывала невзирая ни на что.

Леша Котов, здоровенный парень лет двадцати пяти, сидел в углу, спиной к стене и лицом к выходу. Никого в этом шалмане опасаться ему не приходилось, но уж такая у него была привычка – располагаться в любом месте именно так – чтобы спина прикрыта и обзор широкий. В чертах его лица было что-то хищное, кавказское. Только вот волосы разрушали образ – выгоревшие, рыжие. Зато у него был роскошный южный загар. Так загореть можно, лишь находясь много месяцев не в средней полосе России и уж тем более – не под негреющим светилом Севера, а под бешеным солнцем южных широт. Впрочем, в припортовом кабаке, где каждый третий – моряк, тропическим загаром трудно кого-либо удивить. Как, впрочем, и полярной «летней» кожанкой, из-под которой виднелась тельняшка. Словом, обычный парень, из тех, кто болтается по «северам».

А все-таки – что-то в нем было странное, чужое. Может быть, очень внимательный взгляд. Не бегающий, нервный, как у зэков, а неторопливо, словно локатор, ощупывающий местность – ни на чем не задерживаясь, но и ничего не пропуская...

Перед Лешей стояли две кружки пива – одна пустая, другая отпитая на две трети – и тарелка с фирменной дальневосточной закуской – соленой красной рыбой. По краям стола расположились его кулаки, при виде которых сразу пропадало желание разговаривать с их обладателем на повышенных тонах. Леша курил папиросу «Казбек» и со скупающим видом поглядывал на сидящего напротив него мужика.

Тот, невзрачный и сильно небритый, одетый в выдававший виды бушлат и засаленную «мичманку», являлся типичным представителем славного племени припортовых бичей. Таких в северных портах – хоть лопатой выгребай. Впрочем, люди они ценные. К примеру, за небольшие деньги всегда готовы подменить морячка на вахте у трапа, если у того вдруг нарисуеться срочное дело в городе. В кабаке этот товарищ околачивался в рассуждении, у кого бы перехватить сто граммов на халяву. Граммы эти Леша ему уже купил – дерьма не жалко. Но бич, выпив и отказавшись от закуски, видимо, счел, что невежливо будет просто так отвалить – и теперь пытался развлечь Лешу беседой.

– Я-то в Мурманске служил на тральщике. Это после войны было. Вот, я тебе скажу, мин в Белом море мы наловили... А ты, парень, где служил?

– Да так... Отсюда не видно.

– А теперь откуда?

– Пришел на сухогрузе. Теперь вот ищу, может, что на Колыме интересное подвернется. Все это Леша говорил нехотя, цедя слова по капле.

– А-а, ну ладно, – увидев, что гость не нуждается в светской беседе, бич поднялся. – Ну ладно, бывай. Если что понадобится, заходи сюда, спроси Сергуню.

– А что мне от тебя может понадобиться?

– Мало ли... Меня все знают, и я всех знаю. Может, для чего-нибудь и сгожусь.

Оставшись один, Леша одним глотком допил пиво, спросил еще одну кружку и снова погрузился в молчание. Слова случайного собеседника пробудили в нем воспоминания.

Где служил? А там, где нас теперь нет. Об этом говорить было нельзя. Леша давал соответствующую подписку, да и особист, капитан Мельников, часто предупреждал:

– Не проговоритесь ни другу, ни свату, ни брату, ни жене в постели.

Что ж тут поделать? Все знают, что Советский Союз – не какой-нибудь там империалистический хищник. Мы за мир во всем мире и против поджигателей войны. Потому-то и незачем никому знать, что кое-кому из тех, кто в положенное время явился в военкомат с вещами, пришлось защищать Родину вдали от ее берегов. Лешу судьба забросила в качестве штурмового морского пехотинца в одну из стран, наплодившихся в Африке на месте бывших колоний. Порвав цепи угнетения, местные товарищи тут же начинали увлеченно разбираться друг с другом и делить то, что побросали проклятые колонизаторы.

Так было и в этой стране. Честно говоря, происходила обыкновенная бытовая свара между двумя племенными вождями: кому из них быть самым главным. И за каждым стояли толпы, которым гораздо больше нравилось стрелять друг в друга, нежели работать. Но один из этих самых вождей, как говорили, то ли съел западного посла, то ли совершил еще какой-то подобный поступок, не влезавший ни в какие рамки международного права... В общем, ему не осталось другого выбора, кроме социалистического. Он научился без запинки произносить слово «социализм» и объявил, что встает на путь развития, ведущий к единению всех трудящихся в мире. А потому стал получать от советских друзей автоматы, минометы и другое оружие. Из Союза приехали офицеры и солдаты, призванные обучать туземцев обращению с присланной гуманитарной помощью... Противнику пришлось научиться словам «демократия» и «свободный мир» – и позвать на подмогу солдат удачи и прочих западных романтиков с большой дороги.

В общем, сержант Котов набрался африканской экзотики по самое не могу, – помотавшись по тропическому лесу, где из-за каждого куста пялились негры, которые, кажется, вообще не знали, что такое страх смерти. Конечно, людей они не ели, но головы у врагов отрезали. С парнем из его взвода, Гришкой Колосовым, по крайней мере, такое сделали.

После дембеля Леша чувствовал себя как-то некомфортно. Сперва радовался, что вернулся под нежаркое русское солнышко, а потом что-то заскучал. Чего-то не хватало. Тем более, что детдомовского парня нигде особо не ждали. Но не идти же в военкомат, просить: пошлите

меня еще куда-нибудь, где сражаются за социализм! Не поймут. Еще в дурдом посадят. Вот Кота (так его звали в армии) и понесло за запахом тайги – на северо-восток нашей необъятной страны. За три года он много где побывал – шоферил, строил, лес валил, с рыболовецкой флотилией в Мурманске болтался. А вот теперь пришел с Игарки на сухогрузе, на который устроился механиком вместо матроса, угодившего в тамошнем порту в ментовку – на пятнадцать суток. Никаких особых планов у него не было. В Магадане он околачивался уже третий день, изучая в основном местные пивные. А потом что? Как деньги кончатся – можно куда-нибудь двинуть. Шоферы, скажем, всюду нужны...

Сидеть в шумной и дымной пивнушке надоело. Захотелось на воздух. Леха допил пиво, вышел на улицу и двинулся наугад. Пейзаж вокруг был не то чтобы очень. Вокруг громоздились какие-то строения гнусного вида. То ли склады, то ли бараки, то ли еще какая-то чертовщина. Наконец стали появляться приличные сталинские дома. И тут Кот почувствовал желание, всегда возникающее после пары кружек пива. Он завернул во двор, в глубине виднелось нечто вроде забора. Обогнув кусты, Леха направился к нему – и чуть ли не в упор увидел весьма нехорошую картину. На земле лежал человек в костюме, вокруг него – четверо каких-то парней. Двое сосредоточенно рылись в карманах лежащего.

– Да окно его пошманайте, фраера! И портфельчик прихватите, – командовал еще один, плечистый амбал.

...Вот так вышло – не Кот искал приключений, они его сами нашли. Амбал обернулся и взгляд его уперся в Кота.

– А ну, фраер, беги отсюда, пока цел.

Зря он так. Леха был не из тех, с кем можно разговаривать подобным образом.

– Да что-то лениво мне сегодня бегать. Может, лучше вы отсюда слиняете по-быстрому?

– Что ты сказал? Ну, гляди, козел...

Компания стала приближаться к Леше. Это была не сопливая шпана, которую встретишь на любой танцульке. Их главарь, судя по наколкам и манерам, уже успел побывать по ту сторону тюремной решетки. Остальные же целенаправленно стремились к тому, чтобы не гулять слишком долго на свободе.

– Ребята, вы бы лучше здоровье поберегли.

– Ах ты, падла! Да я тебя...

Амбал ринулся на Кота, за ним и остальные. Один взмахнул чем-то вроде железной трубы.

Главарь попытался нанести удар. Кот, уклонившись, перехватил его руку, рванул за нее и подставил подножку. Парень улетел в сторону и, судя по звуку, врезался в забор. Второго Леха заделал, ударив в переносицу. Третьего – пнул ногой под колено. На долю последнего, который все махал трубой на заднем плане, достался удар ногой под дых. Тут сзади послышался шорох. Кот обернулся – и вовремя. Главарь выбирался из кустов, и в его руке сверкала финка.

– Тебе мало? Сейчас еще будет.

– Щас я тебя... Щас я...

В учебке инструктор рукопашного боя учил салаг уму-разуму:

– Запомните: ножа боятся только дураки. Нож в руках нетренированного человека – кусок железа, если он идет на морпеха. Наоборот – он ему только мешает. Тот козел с ножом, он ведь как: только и думает, как его в тебя всадить. А о том он не думает, что сам при этом весь раскрыт. И ничего-то он тебе не сделает. Котов, а ну давай на меня с ножом. Смотришь! Показываю еще раз для самых тупых...

В реальной жизни на Кота еще никто никогда с ножом не лез. С топором кидались – это бывало. Но не зря инструктор доводил своих подопечных до седьмого пота, тысячу раз заставляя отрабатывать приемы. Тело мигом вспомнило навыки, которые в него вколачивали, и теперь работало на автопилоте. Тем более, что против Лехи пер тот самый дурак, о котором

говорил инструктор. Дурак широко махнул финкой, целясь в бок. Кот уклонился и ударил ребром ладони по локтю главаря. Теперь в ближайшие месяцы парню не то что нож, ложку будет не взять.

– Предупреждали тебя, придурок! – В воспитательных целях Леха воткнул локоть еще и между лопатками парня. Тот взвыл от боли. Ему было уже не до чего.

Тем временем один из ранее успокоенных ребят попытался подняться.

– Лежать! – ударом ботинка Кот привел его в прежнее – горизонтальное – положение.

– Мы тебя еще встретим... – прохрипел другой.

– Что ты сказал? – Неугомонный получил удар ногой по ребрам. Теперь и этому придется долго ходить походкой инвалида.

Леха огляделся и заметил, что еще один из нападавших начинает активно шевелиться. Ударом ноги отправил его в отключку. Если ты в меньшинстве – не надо, чтобы кто-то имел возможность напасть на тебя сзади. Перебросил трубу через забор. Поднял нож и сунул его в карман. И только затем осмотрел лежащего мужчину. Тот уже начал приходить в себя и слабо постанывал.

– Эй, мужик, ты как?

Леша наклонился над лежащим. Это был весьма полный мужчина лет сорока, в дорогом костюме – из тех, какие в этих краях встречаются нечасто. Он пошевелился, с трудом сел и первым делом, еще как следует не очухавшись, стал шарить вокруг. Нашупал портфель и крепко сжал его рукой. И только тогда поглядел на Кота.

– Да вроде как ничего. У, гады, сзади чем-то врезали. Я и не заметил.

– Что же ты один по таким местам ходишь?

– Я, вообще-то, на машине езжу. А тут сломалась... С такси сошел, думал, срежу по двору. И надо же... Да, против лома нет приема.

– Ну, давай, поднимайся. Идти-то можешь?

С помощью Кота тот с трудом встал и, прихрамывая, сделал несколько шагов.

– Эх, здорово они меня. Но ребра вроде целы. – Незнакомец оглядел картину побоища.

– Ого! Я гляжу, ты парень непромах.

– Фигня. Милицию будем вызывать?

– Ну ее... Да я вон того знаю. На соседней улице живет. Я сам на него управу найду... А ты, парень, даже не представляешь, как меня выручил. Слушай, помоги мне до дома дотопать. Здесь недалеко.

Квартира мужика оказалась через несколько дворов, в красивом сталинском доме. Большая такая квартира, обставленная хорошей мебелью.

Пока Леша оглядывался, хозяин успел уйти в ванную, стащить перемазанный костюм и теперь вернулся одетый в роскошный халат – такие Леха видел лишь на картинках в книгах, повествующих о всяких восточных деспотах.

– Пойдем на кухню, у меня все по-холостому.

В кухне хозяин достал несколько бутылок, традиционную соленую рыбу, колбасу, разные продукты, которых в магазине не бывает, наполнил рюмки водкой.

– Ну что, давай за знакомство. Меня зовут Виктор Павлович. Можно – Виктор.

– Меня – Леша.

– Выручил ты меня, Леша. Сам не представляешь, как. Для меня этот гоп-стоп мог такими делами аукнуться... Ну ладно, проехали. Ты приезжий?

– Откуда вы узнали?

– Да нагляделся на людей. Знаю я таких, как ты. Тех, кого на Дальний Восток тянет. Давно здесь?

– Третий день. Пришел на «Сахалине», списался.

– И что делать думаешь, если не секрет?

- Какой же секрет? Я и сам не знаю. Пойду куда-нибудь работать.
- Какие машины водишь?
- Любые. От мотоцикла до танка.
- Так-так... У тебя ночевать есть где?
- В гостинице живу, пока деньги есть.
- Слушай, тогда дело такое. Может быть, смогу я тебе помочь. В смысле работу хорошую найти. Только ты скажи мне свое полное имя. Если не скрываешься, конечно.
- А что мне скрываться? Котов Алексей Петрович. Сорок второго года рождения.
- Давай-ка завтра часов в шесть встретимся в ресторане «Магадан». Тем более, что я тебе еще за спасение хорошее угощение должен. А я поговорю кое с кем, может, и найду для тебя что-нибудь подходящее. А пока давай еще по одной...

3 апреля 1966 года, Магадан

Когда Леша зашел в огромный зал ресторана, самого шикарного в городе, к нему сразу метнулся официант.

– Вы к Виктору Павловичу? Он задерживается, но просил подождать. Вон за тем столиком.

Столик был уже накрыт, официант по дороге успел сказать, чтобы Леша ни в чем себя не стеснял – за все уже заплачено.

– Ни фиги ж себе! – только и сказал Кот, усаживаясь за столик, уставленный разнообразными закусками. Более всего его поразила бутылка марочного коньяка. Не успел он наполнить рюмку, как показался Виктор Павлович. Вместе с ним пришел еще один человек, из тех, кого можно назвать «хозяин Севера». Крупный, чуть ли не два метра ростом, с неторопливыми уверенными движениями. Лицо обветрено. На правой щеке – рваный шрам. «Бугор», одно слово. Но не из таких, что сидят в теплых кабинетах. Из тех, кому приходится самому в тайге, на морозе или на соленом морском ветру, управлять серьезными и своенравными мужиками, осваивающими эти неприветливые земли. Такая работа не всякому под силу.

Оба подошли к столику.

– Вот, Гена, это Леша Котов, о котором я говорил. Знакомься, Алексей, это мой друг, хороший человек.

– Геннадий Сергеевич, – протянул руку спутник Виктора Петровича. Пожатие было серьезным. Кот, сам не слабак, почувствовал, что попал чуть ли не в клещи. Только что-то было в его рукопожатии странным. Лишь когда Геннадий отпустил руку, Леша увидел, что на его руке не хватает двух пальцев. Но главное не это. Кот почувствовал, что перед ним – очень опасный человек. Из тех, с кем не шутят. Похожее чувство Леша испытал в Африке, когда конвоировал одного взятого в плен партизанского командира. Такой убьет и не заметит.

«Ничего, мы и сами не детки», – решил про себя Кот.

Компания расселась и принялась за закуски. Некоторое время шел светский, ни к чему не обязывающий разговор. Геннадий, несмотря на свою суровую внешность, оказался общительным человеком, он рассказал пару веселых историй о разных северных приключениях, помянув, кстати, и про свою руку:

– Все смотрят, думают, на фронте. А мне здесь не повезло. Оттуда, где я ее потерял, до любого фронта – пять тысяч верст и все по тайге. И морду покарябал там же. В пятьдесят втором строили мы дорогу на новый прииск. Начальство гнало – только в путь. Зэкам, которые норму выполняли, спирта выдавали по сотке в день. Как на фронте. А одному парню, молдавину, он за конокрадство сидел – так ему вообще жену разрешили выписать. А я там скалу взрывал. Жизнь и у нас была не очень чтобы... Сегодня ты вольный, имеешь все северные и прочие, а завтра, если дорогу к сроку не построишь, – тот же лагерный клифт придется надеть.

Вот и пахали как бобики. А как-то не уследили, рванули запал слишком рано, и вот результат на моей роже. Слава богу, хоть голова на месте осталась.

К делу перешли, когда подали цыплят табака.

– Леха, мне Виктор сказал, что ты не против здесь поработать.

– Ну да.

– Тогда ты вот что мне скажи. На боксера ты не похож, что не сидел – это видно. А где ты так кулаками махать научился?

– Да что там махать? Сопляки попались.

– А все-таки? Только не говори, что в армии на кухне поваром служил.

– Зачем «поваром»? В морской пехоте. Черное море, поселок Волково. (Так в армии Кота учили отвечать на подобные вопросы.) Тоска жуткая. Баб нет. Только вином и наливались.

– А, тогда понятно. Мне рассказывали, во время войны ваших ребят фрицы «полосатыми дьяволами» прозвали. А чего по северам болтаешься?

– А я детдомовский. Никто меня нигде не ждет. Вот и думаю – почему бы белый свет не поглядеть? Да и денег заработать...

– Тоже верно. Ну, вот что. Ты мне, парень, нравишься. Хочешь, иди ко мне работать.

– Кем?

– Для начала моим шофером. У меня-то ведь вот какая беда. Был хороший парень, крутил баранку, да недавно разбился... Работа интересная – весь Колымский край посмотришь. А потом, может, и получше тебе место присмотрим.

– А почему бы и нет?

– Ладно, сегодня ночуй в гостинице, а завтра приходи в Управление геологии. Спросишь Старкова. Это я. Там обо всем и договоримся.

4 апреля 1966 года, Магадан

Кот вышел из геологической конторы, закурил и поплюхал потихоньку по улице Ленина. Своеобразная она, эта улица. Величественные сталинские дома, напоминающие пышные пироги, хорошо смотрятся на фоне яркого синего неба и праздничного солнца. Но под магаданской хмарью, да еще на фоне безрадостных сопок, все это выглядит очень странно. Примечательна была эта улица еще и другим. Она без четких границ переходила в знаменитую Колымскую трассу. Ту самую, которую нечеловеческими усилиями построили среди совершенно безлюдной местности, среди тайги, болот и гор, построили доблестные чекисты силами эков. Именно на улице Ленина начиналась дорога в знаменитый Колымский край.

Сегодня все прошло быстро и с песнями. Старков оказался на месте. Кот под его руководством написал заявление. Комнату обещали дать на следующий день, тогда же надо было выходить на работу. А если точнее – открыть гараж возле дома Геннадия Сергеевича и к девяти нуль-нуль подать его газик к подъезду. Но самое интересное – это зарплата. Формально-то положили двести пятьдесят. Но от себя Старков обещал столько, что за четыре месяца «Волгу» можно будет купить. Вот это да...

Время было уже позднее, улица почти пустынна. Только возле Дома культуры, где гремели танцы, продолжалась какая-то молодежная жизнь. Двое бригадмилцев с красными повязками на рукавах волокли по ступенькам какого-то сильно нетрезвого гражданина, одетого по моде ушедшей эпохи: брюки-дудочки и прочие стилизми атрибуты. Толпа вокруг подбадривала добровольных защитников социалистического общежития криками:

– На пятнадцать суток его!

– Правильно! Вечно как придет пьяный, так обязательно скандал затеет.

Когда Кот проходил мимо собравшихся, к нему шагнул человек. Одет он был, как и большинство окружающих, довольно модно. Впрочем, шмотками местную молодежь особо было

не удивить. Деньги здесь зарабатывали хорошие, и слетать во Владивосток – раз плюнуть. А уж там всегда найдется загулявший иностранный морячок, готовый за бутылку снять с себя какой-нибудь предмет вождения советских денди... Итак, на молодом человеке был двубортный пиджак, туфли на «манной каше» – хоть в Москву, на улицу Горького, его ставь.

– Закурить нету?

– Только «Казбек».

– Сойдет. Можно огня?

Кот протянул ему свою бензиновую зажигалку, которая горела на любом ветру. Подставив папиросу под здоровенный столб пламени, незнакомец тихо проговорил:

– Алексей, тут есть человек, который очень хочет с вами поговорить. Он велел вам передать: Ситанди. – И добавил: – Только без вопросов...

Хорошо, что он это сказал. Потому что сказанное им поразило Леху примерно так же, как если бы на улице вдруг появился африканский буйвол. От неожиданности Кот аж присвистнул. Ситанди... это слово было оттуда – из жуткой духоты тропического леса, грохочущего по ночам автоматными очередями. Так называлась затерянная в мире ядовитой зелени и болотных испарений убогая деревня, где располагался объект, который Леша охранял полтора года. Вот те раз!

– Где он?

– Вот билет, войдешь в клуб, там я к тебе подойду.

Кот поднялся по широким ступенькам, предъявил свой билет и проник в громадный предбанник, освещенный огромными люстрами. По стенам, как водится, висели картины революционного содержания вперемежку с видами Дальнего Востока. Вокруг клубилась молодежь. Заходя, Леха опасался, что его походно-полевой костюм сразу привлечет к себе внимание. Оказалось, зря. Тут были и модно одетые юнцы и девицы, и разнообразные морячки – от выглаженных и вычищенных, как картинка, до таких, будто только что с вахты. Никто ни на кого внимания не обращал. Из зала гремело:

Жил-был кот во дворе за углом.

И кота ненавидел весь дом.

Только песня совсем не о том,

Как не ладили люди с котом...

Здесь же, в предбаннике, бушевали страсти. Флиртовали, знакомились, травили анекдоты. С разных сторон раздавалось залиvistое девичье хихиканье...

– Алексей, пойдем, – раздался голос за спиной.

Они обошли предбанник слева, проследовали мимо открытых дверей в зал – Леха краем глаза заметил, что танцующих много. Его спутник открыл какую-то дверь – и они двинулись по лабиринту узких коридоров и лесенок. Еще одна дверь – и за ней улица, вернее – пустынный двор. Неподалеку стояла «Победа».

– Садитесь в машину.

Леша открыл дверь и плюхнулся на переднее сиденье.

– Ну привет, Кот.

– Здравствуйте, Сергей Максимович, – ошалело протянул Леша.

За рулем сидел человек с крупными, неправильными, словно торопливо вырубленными топором, чертами лица и фигурой штангиста. Это был особист Мельников, некогда выполнявший особую миссию на объекте среди джунглей, который охранял отряд морской пехоты, невесть почему очутившийся в трехстах километрах от ближайшего моря.

Мельников был личностью весьма загадочной. По извечному обычаю военные весьма недолюбливают людей из «органов». Но капитана все сильно уважали. Что же касается мест-

ных – то они относились к нему как живому божеству. По-настоящему Кот оценил Мельникова сразу после прибытия. Тогда обстановка в округе, до этого более-менее терпимая, вдруг взорвалась настоящей войной. До тех пор по окрестностям Ситанди русские ездили без особых предосторожностей – и вот на тебе! Машина, что везла Мельникова, двух африканцев и трех морпехов (среди них был и Кот), наравлась на автоматный огонь из джунглей. Кот тогда был совсем еще салагой и с автоматным огнем сталкивался только на стрельбище. А потому, когда над головой свистнули первые пули, растерялся. Да и его товарищи тоже. А вот Мельников... Выхватив у одного солдата автомат, он вылетел из открытого «газика». Как позже выяснилось, успел прихватить гранаты, без которых никуда не выезжал и всегда держал рядом с собой. Коснувшись земли, Мельников перекатился и, еще находясь в движении, открыл огонь. Тут же одна за другой в заросли полетели гранаты... Когда Кот сотоварищи тоже начали делать то, чему их учили, это уже оказалось лишним. Огонь утих. Видимо, нападавшие не ожидали такого отпора. В кустах нашли три трупа и винтовки М-16.

– Хреново, парни, вас учат. Если так дальше пойдет, то домой вы можете и не вернуться, – только и сказал потом Мельников. В отличие от офицеров, готовивших в учебке Котова, он явно знал войну не по рассказам старших товарищей.

Но дело было не только в этом. Африканцы, конечно, уважают смелость, но для них то, что мы называем отчаянностью или бесстрашием – норма поведения для мужчины. Как рассказывал тот же Мельников:

– Понимаете, по их представлениям, смерти вообще нет. Не в том смысле, что попадешь в рай или ад, или там переродишься, как у китайцев или индусов. У них все проще. Тебя шлепнут – и ты просто переселяешься в страну предков, где будешь так же жить и сражаться. Так чего им бояться?

Так что безграничное почтение туземцев к Мельникову основывалось не на том, что он наплеватьски относился к смерти. И не на уважении к белым друзьям, давшим им на смену раздолбанным допотопным винтовкам современное оружие. Однажды Кот видел, как в Ситанди пришел то ли пророк, то ли шаман. Так вот, к Мельникову относились примерно так же, как и к тамошнему властителю дум... Да и то сказать, особист имел какие-то способности, которые отдавали чертовщиной. Он, к примеру, мгновенно просекал, когда ему врут. С первого слова. Да и вообще, чем он там занимался, отправляясь с местными ребятами в джунгли, – было большой тайной.

Мельников почему-то выделял Кота. Часто брал его с собой в джунгли, где показывал, как вести себя в лесу. Приезжали в какой-нибудь туземный поселок. Сопровождающим солдатам Мельников выдавал пару бутылок джина. Потом обычно появлялись ласковые чернокожие девицы. Сперва Леху шокировала их татуировка по всему телу. Но зато эти девчонки умели такое, после чего на родине секс он воспринимал, как манную кашу после грузинской кухни. А сам Мельников уходил с какими-то древними стариками в джунгли. В общем, непростой он был человек. А за два месяца до Лехиног дембеля Мельников исчез.

– Как вы меня нашли, Сергей Максимович? – задал Леша глупый вопрос, обратившись так, как требовали в Африке. Звание Мельникова так и осталось для всех загадкой. Как, впрочем, и то, на какую контору он работает – то ли на армейскую разведку, то ли на КГБ, то ли еще на кого-то. Кто в этом деле разбирался?

– Да уж нашли. Я тебя полгода искал.

– А что меня искать, я не скрывался.

– Потому-то и сразу не нашли. Знаешь, как лучше всего спрятать какую-нибудь вещь? Положить ее на видном месте. Но ты-то, кстати, был не на самом виду... Я на тебя еще там, в Африке, имел большие планы. Да вот не сложилось... А теперь ты вдруг тут обнаружился. И надо же – в самое нужное время и, что главное, – в самом нужном месте...

Пока шел разговор, машина петляла по каким-то глухим улицам. Время от времени Мельников оборачивался назад.

– Ладно, поговорим о деле. Ты, как я знаю, на работу пристроился. И как тебе эти люди, что тебя позвали?

– Странные, честно говоря. И не то, что у них денег навалом. Это я на Севере уже видел. Но что-то в них есть не то... Дерьмо какое-то. Мне-то стало даже любопытно. Думал так: погляжу, а свалить или, допустим, куда надо обратиться я всегда успею.

– Вот за это я тебя всегда и ценил. Правильно ты все просек. Так вот, у меня к тебе есть предложение. Ты готов пойти снова на службу?

– Опять куда-нибудь на войну?

– Нет. И служба совсем другая. Только запомни: все, что я тебе говорю, – государственная тайна. И честно предупреждаю: те, кто много болтает, долго не живут. Впрочем, что тебе объяснять. Ты ведь хочешь или не хочешь, все равно уже наш человек. У тебя, я вижу, вопрос на языке вертится? Так вот, я капитан КГБ. И в Магадан я прибыл по чрезвычайно важному делу. Такому важному, что мое начальство даже местным нашим коллегам не хочет все полностью говорить. Так ты готов?

Вопрос был тот еще. Как и большинство советских людей, Алексей Котов испытывал перед КГБ смутный страх. Но с другой стороны, «органы» лично ему ничего плохого не сделали. Да и то сказать: благодаря военкомату тропа его жизни пересеклась с играми всяких секретных контор. Так почему бы и нет?

– Хорошо, Сергей Максимович, я согласен. Подписывать что-то надо?

– Ага, кровью. Подписать мы всегда успеем. Теперь слушай. Компания, с которой ты так мило познакомился, нас очень интересует. Наши люди туда уже пытались толкнуться, да толку мало. А тут вдруг ты невесть откуда появляешься – и в самое яблочко. Знаешь, сколько бы я дал, чтобы на твое нынешнее место нашего человека поставить? Но тут ты оказался – прямо как по заказу. Одного я не пойму: что они в тебе нашли?

Услышав историю про драку во дворе, Мельников понимающе кивнул.

– Теперь понятно. Что же – крутой парень, северный бродяга. Они наверняка тебя проверили на «Сахалине» – он ведь и теперь в порту стоит. Так вот, работай у Старкова. Будет предлагать более серьезные дела, чем крутить баранку, – соглашайся. В общем, Баба Яга в тылу врага. Теперь о связи...

Высадив Кота за три квартала от гостиницы, капитан Мельников погнал машину не в сторону местной «конторы». Он двинул на узкую улочку, обсаженную чахлыми деревьями, на которой стояли недавно построенные кирпичные пятиэтажки. В квартире на третьем этаже его ждал тот самый парень, который пригласил Леху на встречу.

– Все в порядке. Надо подумать, как обеспечить ему прикрытие.

– А вы в нем уверены, товарищ капитан?

Мельников глянул на подчиненного так, что тот поежился.

– В НЕМ я уверен. В том, что не сдаст. А в остальном – это уже наше дело. Все, Прохоров, возвращайся в общагу и не отвешивай. На сегодня все.

Дело, по которому капитан Мельников прибыл в Магадан, было весьма серьезным. Связано оно было с тем, ради чего вообще осваивался этот край – с золотом. Золото здесь сначала добывал трест «Дальстрой» – эки под надзором НКВД. Именно они построили все: дороги, города, включая Магадан, прииски и шахты. В 1953 году, ввиду крутых перемен, «Дальстрой» упразднили. Зэков в Колымский край возить перестали. Из тех, кто сидел, – многих амнистировали. На смену подневольным рабочим пришли наемные, покотившие сюда со всей страны за большими деньгами...

Золото имеет такую особенность – те, кто постоянно находятся возле него, очень хотят урвать кусочек себе лично. Так было и при Сталине, несмотря на то, что за это расстреливали.

Воровали все. Тащили потихоньку эки, меняя «левый» металл на спирт и махорку. Тянули охранники и вольнонаемные. Перли начальники разных уровней. В 1937 году было расстреляно множество колымских чекистских чинов. И хотя официально они все были признаны японскими и другими шпионами, на самом-то деле их пустили в расход потому, что они слегка заворовались. Власти просто не хотелось признавать, что коммунисты, в смысле жажды золота, ничем не отличаются от простых смертных. Уже во время войны существовала на Колыме хорошо отлаженная индустрия скупки и торговли желтым металлом. А потом, когда сюда толпами поперли вольные, пришло еще и «дикое» золото. Тайга ведь большая. Что стоит работнику прииска подыскать в выходные какой-нибудь таежный ручеек и мыть там себе лоточком золотой песочек...

В общем, дело житейское. Незаконными старателями занималась милиция, Комитет подключался лишь в случаях особо крупного воровства. Но в июле 1965 года случилось нечто непонятное. В случайно задержанном в Шереметьево чемодане обнаружили крупную партию кварцевого золота. И что самое главное – совершенно неизвестного происхождения. Это было шоком. Дело в том, что можно точно установить «родину» металла – прииск, с которого он добыт. Это как отпечатки пальцев – каждое месторождение имеет свои особенности. «Дикий» золотой песок – тут вычисляется район с точностью до нескольких десятков километров, вокруг, опять же, какого-нибудь прииска. Такова уж геология. Россыпей без кварцевой жилы – основного месторождения – не бывает. А тут было именно «коренное» золото с неизвестного месторождения! Уже задним числом выяснилось, что подобный металл всплывал на подпольном столичном золотом рынке – среди частных ювелиров, зубных техников и так далее – уже не раз. Просто милиция прошляпила. Раскрыли дело, сложили в архив, а дальше за ниточку не потянули. Или не захотели.

Оперативные мероприятия вывели на трест «Магадануголь», вокруг которого наблюдалось какое-то странное шевеление. Да только вот люди, которые так или иначе попадали в поле зрения, как-то очень быстро погибали. А люди интересные. Взять того же Лозинского, очень не вовремя сбитого машиной. В сталинские времена он имел отношение к геологоразведке. И даже поступали на него сигналы, что он нечист на руку. Тогда ему удалось отмазаться. Мельников, изучив материалы дела, был уверен, что товарищ Лозинский просто сумел «перевести стрелки», подставив других людей. Может, все так хорошо для него бы и не кончилось, но тут сгорел Берия, заварилась большая каша, стало не до Лозинского, и ему удалось под шумок мирно уйти в отставку.

Дальше пошло еще хуже. Вышли на водителя большого человека в местном Управлении геологии Старкова. Были сведения, что он тоже приторговывал золотишком. И на тебе! Автомобильная катастрофа на 727-м километре трассы. Сам же Старков был чист аки ангел. Складывалось впечатление, что кого-то из местного Комитета тоже ослепил золотой мираж. Потому-то Мельников и остался, как подпольщик – один в чужом городе. И тут так удачно подвернулся Леша Котов, который – капитан знал это твердо – не имел с преступниками ничего общего.

Глава 3. Дикий Восток

11 апреля 1966 года, 72-й км Колымской трассы

Это ж надо – а ведь день начинался так хорошо... все было нормально! Леха крутил баранку на службе у Старкова. И, честно говоря, ему эта работа нравилась. Геннадий Сергеевич был хорошим начальником. Он не напрягал без особых причин, если нет работы – так и иди домой. Чем конкретно занимается Старков, Кот так и не понял. Они болтались по окрестностям Магадана, подъезжали к каким-то складам. Геннадий Сергеевич скрывался в подсобках и вел какие-то переговоры. В общем, другому начальству, капитану Мельникову, докладывать было пока нечего. Нет, Леша исправно сливал отчеты о своих поездках инженеру по технике безопасности Управления геологии, одному из связных Мельникова. Но всем было понятно – пока что ничего особо интересного не происходит.

Честно говоря, Коту нравилась работа сама по себе. Хотя бы из-за начальника. «Бугры» ведь бывают разные. Один себя таким пупом земли полагает, что мама не горюй. Ходит по земле как какой-нибудь фараон. А Старков небожителем себя не считал. По крайней мере, когда садился где-нибудь обедать, всегда приглашал водителя за свой стол. А что касается денег... Геннадий Сергеевич сразу сказал:

– Ты, Леха, говори, сколько тебе надо – на жизнь и развлечения.

– Да мне вроде как хватает, – ответил Кот. В кармане у него было пять желтых сотенных бумажек, полученных в виде аванса.

– Ну, хватает так хватает. А будет мало – говори, я еще подкину.

Словом, не начальник, а золото. Вот почему только именно такими «буграми» интересуется КГБ?

Сегодня день начался, как обычно. Леха подогнал к дому начальника его газик. Интересная, кстати, машина. Вместо обычного для ГАЗ-69 брезентового верха – жесткая крыша. Жесткие задние скамейки тоже заменены мягкими диванчиками, снятыми явно с какого-то западного автомобиля. В общем, с виду – обычный «козлик», трудяга северных дорог, а внутри совсем не то. Комфорт...

Так вот, Геннадий Сергеевич уселся в машину и велел ехать в Атку. Это километров сто по Колымской трассе. По этой чуть ли не фронтовой дороге – часа за три можно добраться. Леха вырулил на проспект Ленина, по которому напрямик выехал на знаменитую магистраль. Когда кончился город и его окрестности в виде разнообразных заборов и бараков, по обе стороны трассы потянулась бесплодная и унылая земля. На ней не росло ничего, кроме каких-то жидких поганых кустарников.

Это ж надо было здесь построить город – выбрали, наверное, самое гнусное и безжизненное место. Где ничего не растет. Даже деревья, посаженные в виде озеленения на улицах Магадана, смотрятся как-то убого, всем своим видом демонстрируя, что они, заброшенные в чужой холодный край, не жильцы на этом свете.

А вокруг – так и вовсе пустыня. Недаром в окрестностях не было никаких человеческих поселений. Коренные жители этих мест, якуты, сюда никогда не совались во время своих кочевий. Они-то не дураки, знали, где стоит селиться, а где – нет. Вот и бухту Нагаева предпочитали обходить стороной.

Да и когда белые люди двести лет назад дошли до северного побережья Охотского моря, они основали свой поселок на пятьдесят километров в стороне.

Но советскую власть не волновали природные условия. Как когда-то Петра Великого – он ведь тоже построил свой Петербург там, где люди не должны жить в принципе. Вот и советской власти был нужен удобный порт на Охотском море. Для того, чтобы потом прыгнуть на Колыму. И этот порт построили. Вон он стоит.

Между тем пейзаж вокруг менялся. Дорогу обступили сопки, поросшие огромными лиственницами. Это была тайга – бесконечная, черная, беспросветная. Под здоровенными деревьями не наблюдалось подлеска – только на прогалинах теснился кедр – нечто среднее между кустом и корявым деревом.

– Как тебе наши места? – нарушил молчание Геннадий Сергеевич.

– Видали и похуже.

– Зря ты так. Ну ничего, привыкнешь, тебе понравится. Здесь ведь что хорошо? Закон – тайга, прокурор – медведь. – Старков погладил ложе карабина.

Он, этот карабин, всегда, во всех поездках, лежал между передними сиденьями. Кота присутствие оружия в машине не особенно удивляло. На Севере люди любят таскаться с ружьями. Оно и понятно. Какой мужчина не испытывает удовольствия, ощущая на плече тяжесть смертоносной железки? Если не испытывает – он и не мужчина. Так уж повелось, что мужиков тянет к оружию. Но в местах, где есть цивилизация, придуманы всякие разные законы, которые не дают развернуться этой страсти. А здесь, где условия приравнены к Крайнему Северу, все, как когда-то встарь. Какой ты мужик, если у тебя винтовки нет?

Именно поэтому Кот совершенно спокойно смотрел на драгунский карабин образца 1912 года, уютно примостившийся рядом с коробкой передач. Местный обычай. Только-то и всего.

А ведь говорил в свое время капитан Мельников – не делайте поспешных выводов, они всегда окажутся самыми глупыми из всех возможных. Так оно и вышло. Когда дорога вышла на очередную сопку, в ветровое стекло ударила пуля. Потом еще одна.

Две дырки, вокруг которых разбегаются трещинки – Коту такое видеть уже приходилось. Он завернул руль и дал по тормозам.

– Из машины! – заорал он не своим голосом.

Старков был тоже не лыком шит. Он тут же отворил дверь и вывалился на землю. А Кот за какие-то тысячные доли секунды успел поблагодарить Бога за то, что карабин находится рядом. Ухватив оружие одной рукой, другой он распахнул дверь и выкатился на оперативный простор. Тут же возле его головы взметнулся фонтанчик земли. Стреляли с левой стороны. Леша перекатился за машину, передернул затвор и оценил ситуацию. Огонь вели с небольшого холмика, возвышавшегося над дорогой. И – что уже радовало – засаду сделали дураки. То есть по-своему они были правы – в зарослях кедрача на холмике легко было укрываться. Да и место для стрельбы удобное. Одно нападавшие не учли – до леса, в который можно было отойти, было метров двадцать крутого каменистого, абсолютно голого склона. Видно, о путях отхода ребята не подумали. Им же хуже.

Все эти соображения пронесли в Лехином мозгу в одну секунду. Он понял, что имеет шанс выиграть. Для этого было нужно немного – ждать.

– Геннадий Сергеевич, лежите и не дергайтесь, – прошептал он.

– Ты их сделаешь?

– А куда они, суки, денутся?

Кот замер, поймав в прицел карабина заросли кедровника, где, скорее всего, скрывались враги. Теперь ему стало жалко, что не дошли руки пристрелять оружие. Конечно, после «калашников» карабин Мосина – не бог весть что. Но другого-то на данный момент нет. И эта штука – не детская рогатка.

Кот лежал и ждал. Противник (или противники) больше не стреляли. Тут шла такая игра – кто первый не вытерпит. Потому как деваться врагам было некуда. Незаметно отойти они не могли. Сами себя заперли в ловушку. У врага, собственно, было лишь два выхода: либо

попытаться достать пулями укрывшихся за машиной людей, либо рвануть через пустошь к лесу.

Пауза длилась минут десять. Кот все так же лежал за передним колесом газика, наведя ствол карабина на пригорок. Ситуация была, как бы выразились шахматисты, патовая. Кто первый сделает ход – тот и получит удар. Дело омрачали комары, которые тут же рванули напиться людской кровушки. Они облепили руки и лицо, лезли в рот и глаза... Утешало только, что тому (или тем), в кедровнике, не легче.

На той стороне не выдержали первыми. Среди зеленых зарослей показался чей-то серый ватник. Кот только этого и ждал. Грохнул выстрел – и человек на бугре повалился. Тут же появилась еще один. Он бросился бежать в сторону леса.

Первый выстрел пошел вкось. Второй зацепил – фигура резко дернулась, но продолжала ковылять к лесу. Третий выстрел – и человек ткнулся носом в камни, не добежав пару метров до спасительных лиственниц.

– Неплохой у вас карабин, Геннадий Сергеевич, – произнес Леша, поднимаясь.

– Вот гады, из-за них всю морду комары съели, – пожаловался Старков, вставая и отряхиваясь. – Надо пойти посмотреть, что это за типы... – он направился к машине, достал из бардачка охотничий нож и обойму.

– Леша, перезаряди карабин.

– Это точно, у меня один патрон остался. И часто у вас такое бывает?

– Часто не часто, а иногда случается. Я ж тебе говорил, что здесь закон – тайга.

Кот пополнил боезапас, передернул затвор и, держа карабин наизготовку, двинулся к холмику. Старков шел рядом с ним, держа нож очень грамотно. Судя по всему, этим инструментом он умел не только резать колбасу.

Впрочем, как оказалось, предосторожности были излишними. Оба врага были мертвы. Небритые мужики, руки синие от наколок. Возле одного валялся карабин – родной брат того, из которого вел огонь Кот. Неподалеку в кустах обнаружилась двуствольная «тулка» – ее, видимо, бросил второй враг. Кот обшарил карманы, но нашел лишь несколько патронов к «тулке» у одного и пачку «Беломора» и спички – у другого.

– Что это за люди, Геннадий Сергеевич? Беглые зэки, что ли?

– Какие, на хрен, зэки! Не смейся. Это кое-кто до меня добирается. Так...

Одного Старков явно узнал. Но не подал виду.

– Ох, как у вас все тут серьезно.

– А ты думал! Уволиться не появилось желание?

– Да ну. Все мы смертны. Что делать-то с ними будем? В милицию сообщим?

– Ага, делать нам больше нечего. И менты будут с тобой долго и нудно разбираться, превысил ты пределы самообороны или нет. К тому же, думаешь, местному участковому очень нужна такая головная боль? Дуй к машине, там за сиденьем есть лопата. Закопаем – и все дела. До Страшного суда никто их не найдет.

Через час все следы разыгравшегося здесь происшествия были скрыты.

– Ну и хорошо. Мы никого не видели, мы ничего не знаем. Да их никто искать и не будет. У нас так бывает: ушли люди в тайгу – и с концами. В болоте утонули, в горах заблудились, медведя на узкой тропке встретили...

– А это? – Леша кивнул на пулевые отверстия в ветровом стекле.

– Не бери в голову. Теперь вот что. Ты получал тысячу. Теперь будешь получать две. Да, посмотри, что там с машиной, а то нам все-таки надо в Атку доехать. И рули теперь на предельной скорости. Есть у нас кое с кем разговор.

11 апреля 1966 года, Атка

В поселке Атка не было ничего достопримечательного. Типичный для российских окраин большой поселок или маленький городишко, привычно поражающий своей запущенностью и неуютностью. Такова уж визитная карточка советского Севера и Дальнего Востока. Люди сюда приезжают не для удовольствия, а за деньгами. Правда, в последнее время появился совершенно новый тип покорителя тайги – те, кто приезжает сюда за романтикой. Но они, чаще всего, дальше магаданских кабаков не суются – а потом в столицах распускают хвост перед девицами, повествуя о тундре и тайге.

Вечер еще только начинался – точнее, не вечер, а то, что в этих широтах предшествует белой ночи. Оживление наблюдалось только возле дощатого некрашеного магазина. Толпа мужиков материлась так, что даже окрестные сопки краснели.

– Обычное дело, – кивнул Старков. – Аванс выплатили, а в магазин водки не завезли. И самое смешное, что почему-то здесь торгуют великолепным грузинским вином, какое и в Москве не всегда найдешь. Да только кому оно здесь нужно? Его у нас на Колыме косорыловой кличут.

– Почему?

– Для того чтобы нашего мужика разобрало, он должен сушняка чуть ли не полведра вылакать. А с такого, ясное дело, по утру морда в зеркало не помещается. Так, давай вон к тем воротам.

Кот поражался самообладанию Старкова. Его – он это видел – прямо-таки распирали какие-то негативные эмоции, но внешне он оставался совершенно спокойным.

Машина подъехала к длинному деревянному забору, посреди которого находились железные ворота, за ними просматривалось несколько зданий барачного типа. Машину Старкова здесь явно знали, поскольку ворота распахнулись заранее. Газик вкатился в захламленный двор. По нему со скучающим видом шлялась здоровенная собака, чей вид свидетельствовал, что она являлась плодом любви немецкой овчарки и колымской лайки. В углу, возле одного из сараев, стояли два грузовых ГАЗа, артиллерийский тягач «Коминтерн» и память о войне – «студебеккер» в состоянии полураспада. Вообще-то, согласно договору о поставках по ленд-лизу, все эти американские машины, которым посчастливилось избежать бомб, снарядов и не развалиться на фронтовых дорогах, надо было бы вернуть расчетливым янкесам. Да только, конечно же, никто их так и не вернул. И по всей Руси великой продолжало кататься великое множество этих сильных и надежных грузовиков. Особенно – в Колымском краю. Не зря ведь в Магадан шли напрямик из Штатов американские конвои.

– Рули к машинам.

На шум подъезжающего газика из сарая, который был тут чем-то вроде гаража, вышел седой мужик в замызганной кожанке. Он со знанием дела осмотрел пулевые отверстия.

– Эка... Кто ж это вас?

– Базары потом. Бери ружье, Павло, и еще одно – вот ему. Есть кто у вас еще из надежных людей?

– Есть еще один. Игорь!

На крик появился угрюмый человек с винтовкой в руках.

– Садитесь и едем! Нужно тут с одним товарищем провести серьезную беседу.

Вооруженные люди набились в газик – и машина выехала на трассу. Ехали минут двадцать.

– Так, давай налево, – командовал Старков. Теперь рядом с Котом сидел уже не прежний добродушный начальник, а опасный, очень опасный человек. Из тех, кого неприятно иметь

в качестве врага. Так что разговор, видимо, предстоял такой, после которого собеседнику не позавидуешь.

– К Трактору едем? – спросил кто-то сзади.

– К нему. Ссучился Трактор. От этого транспортного средства мир придется избавить.

Дорога, вильнув несколько раз между сопок, вывела на поднимающийся в гору прямой участок, загроможденный странными сооружениями. Среди развалин, в которых угадывались остатки барачных, виднелся домик, в нем теплился свет.

Но тут мирное путешествие закончилось. Видимо, машину заметили и поняли, что люди в ней едут не для дружеских бесед. В окнах домика мелькнули красные огоньки – и перед газиком взвилось несколько фонтанчиков от пуль.

– Все из машины. Легли! – заорал Кот. Подчиняясь боевому рефлексу, он сделал длинный прыжок из кабины и залег за какой-то кочкой.

Все остальные также выбрались из джипа и залегли на колком холодном мху. Кто-то выстрелил из карабина. В ответ снова раздалась очередь из автомата.

– Из ППШ шпарит, гнида, – обернулся к Коту Игорь, угрюмый мужик, которого прихватили последним. Он передернул затвор, тщательно прицелился и выстрелил. Судя по спокойному виду, этот человек бывал и не под таким огнем. Он еще раз посмотрел на Кота и удовлетворенно хмыкнул – вероятно, понял, что Леха тоже не первый раз под пулями.

– Браток, давай так. Ты меня прикрывай, а я двинусь, – сказал он и, пригнувшись, бросился вперед. Снова раздался треск автомата. Кот пальнул пару раз в окно дома, в котором сверкал огонь. Игорь залег шагах в двадцати. До дома оставалось примерно столько же.

– Эй! Прикрывай! – заорал Кот и бросился вперед.

Автоматная очередь опоздала. Тот, в доме, не успел прицелиться, и пули ушли в молоко. Кот бухнулся рядом с Игорем, причем неудачно – угодил в лужу и теперь чувствовал, как одежду пропитывает противная холодная влага.

– Эй, паренек, ты слышишь?

– Слышу.

– Этот, в доме, без ума стреляет. У него сейчас диск должен кончиться. Я поднимусь, он по мне шмальнет, я рвану за угол дома, а когда у него патроны выйдут, ты гони к двери. Готов?

– Есть!

Игорь поднялся и, уже не пригибаясь, понесся вверх по склону. Тут же по нему врезали очередь. Но тут же автомат и заткнулся. Мысль, как всегда в бою, работала со скоростью света. Чтобы переменить диск ППШ, нужно три секунды. Двадцать один, двадцать два, двадцать три... Автомат продолжал молчать. Видно, в доме засел человек, который науку владеть оружием усваивал не в окопах, где секундная заминка – цена жизни. Двадцать пять, двадцать шесть... Автомат снова плюнул огнем. Но к этому времени Кот находился уже в мертвой зоне. Он прижался к стене дома. Справа было окно, из которого вели огонь. Слева – дверь.

«Гранату бы сюда», – подумал Леха с сожалением.

И тут где-то на другой стороне дома послышался звук разбитого стекла. Снова раздалась автоматная очередь. Кот тут же рванул дверь. К счастью, она оказалась незапертой. Леха кинулся вниз, перекатился – и вцепился из карабина в мужика, который наводил на него автомат. Тут же над ухом грянул револьверный выстрел. Это стрелял еще один, находящийся в доме. Рывком поднявшись на ноги, Кот ударил его прикладом в висок. Тот свалился без звука. Теперь оставалось оглядеть поле боя.

В хибаре, где за признаки цивилизации могли бы сойти две кровати, покрытые засаленными ватниками, и стол, уставленный бутылками и заваленный объедками, – валялись два трупа. Но о них потом. Где Игорь? Кот услышал стоны, выскочил из дома, обежал его вокруг и увидел своего напарника. Тот лежал на земле и корчился в луже крови. Видимо, тот револь-

верный выстрел даром не прошел. Надо же, выпущенная пуля попала в шею! И, видимо, перебила артерию. Кровь хлестала фонтаном.

– Браток, это ты? – прохрипел Игорь. – Подойди ко мне...

Кот подошел к умирающему – рана на шее была смертельной, и ничего здесь поделывать уже было нельзя.

– Ты не парься, мы сейчас тебя доставим в больницу.

– Брось болтать. Какая больница? Я свое по жизни отпрыгал. Ты – слушай. Ты ведь не из них... Ты к ним случаем попал... Я-то в плену очутился в сорок третьем. Потом в лагере. Потом... Злой был на всех, вот и попал к этим... А потом увяз. Но ты, парень, уходи от них. Это – волки. Это... враги. Враги Родины...

И тут Кот сделал, может быть, неправильный ход. Но иначе он не мог. Леха наклонился и прошептал:

– Я от наших.

Лицо умирающего вдруг озарилось счастливой улыбкой.

– Наши... Все-таки они пришли... Наконец... – Тут Игорь замолчал навсегда.

Кот вернулся в дом и осмотрел комнату. Два трупа и множество пустых бутылок. Один из мертвецов был очень толстым и, видимо, сильным человеком с редкими русыми волосами. От него сильно пахло потом. Рядом лежала коротко стриженная женщина лет эдак сорока с грубым, почти мужским лицом. Комплекции она была тоже не слабой. Такие на стадионах рвут рекорды в толкании ядра. Кот осторожно приблизился к двери. Как бы свои не подстрелили. И тут же усмехнулся. Свои? Ну а что? Если лежишь с человеком на одной линии огня – значит, он свой. Несмотря на то, что, может быть, через час тебе придется сражаться уже с ним. Но пока что – свой.

Кот осторожно высунулся из-за двери.

– Эй! Геннадий Сергеевич! Это я, Леха! Все хорошо, никого больше нет!

– Едем! – донеслось издалека.

Кот видел, как эти двое загрузились в газик и подъехали к дому.

Старков вышел и попер внутрь.

– Все мертвые? А живого взять не могли?

– Что это Трактор нас так ласково встретил? – подал голос Павло.

– А вон те дырки у нас в стекле видел? Это его люди стреляли. Я одного узнал. Он к нам две недели назад приезжал в Атку. С ухом покарябанным.

– Это да. Вот этот, Трактор, – ейный любовник. Они здесь, в старом лагере, так вдвоем и жили. Третий-то там, на дороге, остался... А ведь то-то я думаю, чего это Трактор стал скользкий. Все говорит какими-то загадками. И улыбается сладко. А ведь он раньше в жизни если и улыбался – то как череп на столбе, где написано «Не влезай – убьет».

– В откол он решил пойти, вот что.

Старков, обойдя дом, склонился над трупом Игоря.

– Эх, жалко человека. На Курской дуге выжил в штрафном батальоне, а тут от какого-то поганого уголовника – схватил пулю.

– Может, это и к лучшему, – подал голос Павло. – Я за ним давно наблюдал – тоже не наш человек...

Это было уже чересчур. Сказалось напряжение боя, и Кот заорал на все окрестные сопки.

– Слышите, вы! Я к вам шофером нанимался, а не кем-то другим! А вот ты, падаль, – он ткнул кулаком в грудь Павло, – ты, сука, отлеживался! Под пули-то не полез! – потом повернулся к Старкову: – И уж конкретно – в шестерки я вам не запрягался. А ваши деньги можете себе в жопу засунуть...

Тут Кот пришел в себя и подумал: а так ли он себя ведет? А с другой стороны, почему бы и нет? Любой, даже самый тренированный солдат, впервые попав в подобную переделку, будет нервничать.

Старков был спокоен.

– Леха, извини, что так вышло. Что вы сделали, это я, поверь, не забуду. Но только и ты пойми. Этот человек – именно он и дал приказ стрелять по нам.

– Почему он?

– А кто ж еще? Пойдем-ка на воздух.

Они вышли из дома на просторную площадку, вокруг которой громоздились разнообразные завалы из полусгнивших бревен.

– Видишь это все? Всю эту разруху? А если бы вот не такие козлы – мы бы все здесь снова отстроили. Леха, ты пойми, я тебя за шестерку никогда не держал. А уж после этих дел... Я – твой должник. Сколько тебе надо денег?

– Да бросьте вы, Геннадий Сергеевич. Мне и так хватает.

– Ладно. Потом разберемся.

– Геннадий Сергеевич, а что с этими-то делать будем? – подал голос Павло. На Кота он смотрел несколько странно. То ли обиделся на оскорбление, то ли ему в самом деле было стыдно перед человеком, что лежал себе, уткнувшись носом в землю.

– Гони сюда машину.

Когда подогнали газик, Старков открыл заднюю дверцу.

– Вот ведь какая неприятность вышла. Поехал наш друг Игорь в гости к своему другу, бывшему уголовнику, а теперь охотнику Трактору. Выпили они, закусили, потом поссорились, да и за винторезы схватились. А дом возьми да и сгори...

Все стало понятно. Достали канистру с бензином и облили избушку. Чиркнули спичкой – и в небо взметнулось пламя.

– Так умирают настоящие мужчины. Пусть успокоятся навеки, – послышался голос Старкова. – Трактор нас предал, но все-таки был настоящим мужиком.

Коту очень хотелось спросить – а как же тот человек, который был на Курской дуге? Где вы, суки, не были. Но вместо этого он выдал дежурную фразу:

– Геннадий Сергеевич, а менты не разберутся в этом деле?

– Какая фигня! Игорь ушел, меня не спросил. Куда ушел, не сказал. А найдут это пепелище – так что же? Перепились, друг друга постреляли да дом подожгли. Подумаешь...

Машина остановилась на уже знакомом дворе.

– Павло, будь другом, замени все-таки ветровое стекло...

– Сейчас заделаем, Геннадий Сергеевич.

Павло вел себя так, будто ничего не случилось. Он спокойно побрел в сарай за инструментом.

– Вот уж надежный человек, – бросил Старков. – Правда, конечно, есть у него свои минусы. Но и эти минусы, если разобраться, идут в плюс.

– Уголовник, что ли?

– Подымай выше. Он всего пару лет как вышел из лагеря. Сидел с сорок четвертого года за то, что был в полициях. Теперь вот здесь работает.

– А что ж он домой не едет?

– Кто его там ждет? Может, он там такую о себе память оставил, что в ридный край лучше носа не казать. А здесь никого не волнует, кем ты был на материке. Люди-то нужны...

С таким раскладом Кот уже не раз сталкивался за время своего недолгого пребывания в этом краю. Те, кто когда-то загремел за решетку как предатели Родины, попадались здесь во множестве. А кое-кто до сих пор продолжал сидеть. На них-то никакие амнистии не распространялись – ни «бериевская», ни «хрущевская». Конечно, все они с пеной на губах кричали,

что пострадали безвинно. А как же иначе? Покажите того зэка, который скажет, что сидит за дело? Его можно в музей выставлять.

– Павло мужик справный, – продолжал Старков. – Все машины здесь как часы работают. А какую он теплицу себе возле дома отгрохал? Шикарные огурцы растит всем на зависть.

– Странно...

– А что здесь странного? Что теплицу отгрохал? Как раз в этом ничего странного нет. Все очень даже закономерно. Ведь ты пораскинь мозгами – почему столько людей шли к немцу служить? От большой любви к фрицам, что ли? Или там от сильной нелюбви к Советам? Да, были и такие. Но большинство мыслило куда проще. Люди всегда и всюду свою выгоду ищут. Была советская власть – при ней устраивались, как могли и умели. Немцы пришли – и здесь свое место постарались найти. Не все были героями-партизанами. Да и партизаны тоже были разные. Одни поезда под откос пускали, другие немецкие продуктовые склады грабили. И жителей – тоже. Сидели себе в лесу и в небо плевали. Слышал, поговорка была в войну: чем дальше в лес, тем толще партизаны? А если об этих, кто под немца пошел... В сорок первом многие думали, что немец пришел надолго. И решили обустроить себе жизнь при новой власти. Просчитались. Ну, что ж, они и в лагере неплохо жили. Поскольку мужики работающие. Вышли – снова, как могут, устраиваются. Такова уж наша жизнь. Стой, ты куда? – спросил Геннадий Сергеевич, когда Кот вылез из машины и направился в сторону гаража.

– Помогу стекло поставить.

– Брось. Нам с тобой уже банька приготовлена.

Баня представляла собой внушительное сооружение из могучих лиственничных бревен. В предбаннике на широком дощатом столе стояли бутылки с водкой и пивом, блюда с жареной олениной, неизменной красной рыбой и прочими нехитрыми, но очень вкусными дарами колымской земли. Были тут и соленые огурцы, и даже свежие. Которых, кстати, в магаданских магазинах днем с огнем не найти.

– Ну что, пойдем, помашем веничками?

В голом виде Кот видел начальника впервые – и в очередной раз восхитился его мощным формам. На груди у Старкова синел портрет «отца народов» о котором десять лет назад с высокой трибуны объявили, что «оказался наш отец не отцом, а сукою». На боку виднелся шрам – явно от ножевого ранения.

Парились, как это принято за Уральскими горами, долго и истово. Под веником шефа Кот впал в блаженную расслабленность. Захотелось... Правильно, что может захотеться мужику после хорошей русской бани?

Геннадий Сергеевич, казалось, угадал мысли Кота:

– Ладно, я пошел, а для тебя сейчас будет приятный сюрприз.

Дверь за ним закрылась – и тут же в парилку проникли две девушки. Одна была рыжая, высокая, с пышной грудью и длинными ногами. Другая – невысокая, черная и коренастая. Тело ее было смуглым и крепким. Слегка раскосые глаза напоминали о том, что коренное население этого края – якуты и юкагиры. Она задорно улыбалась.

– Ну иди сюда, милый, – произнесла рыжая, села на нижний полок и призывно раздвинула ноги.

Честно говоря, последний раз Леха спал с женщиной месяц назад. Да и то это была немая пьяная шмара из Игарки, которую Кот на пару с мотористом буксира «Невель» отымел пособачьи в каюте последнего. Напоследок эта сучка сперла у моториста червонец, заначенный на опохмелку. Так что утро оказалось совершенно омерзительным.

А тут было другое дело. Кот торопливо кинулся к девице. Она легла на полок.

– Давай, сладкий, давай крепче.

Лешу упрашивать было не надо. Он торопливо вошел в девушку и заработал так, будто хотел вдавить ее в доски. Ее тело было податливо и нежно. Вторая в это время губами ласкала

его тело. Излившись в рыжую, Леша потянулся ко второй и повалил ее рядом с подружкой. Тело этой, казалось, состояло из одних жил. Но в ней находиться было так... Не нужно было делать никаких движений – все получалось как-то само. Это напоминало ухищрения чернокожих искусниц, которых поставлял Коту и его друзьям капитан Мельников. Он уверял, что такое умеют только в Африке. А вот нате вам – на другом конце планеты тоже кое-что могут. Он всеми силами пытался продлить удовольствие, но в конце концов блаженно отвалился...

– Леша, ты там как? Вылезай, если закончил, – услышал он голос Старкова.

Кот с девицами направился в предбанник. Как оказалось, шеф тоже даром время не терял – он сидел за столом в компании двух девиц в простынях. Одна, блондинка, будто только что пришла из парка, где до этого стояла с веслом. Другая, щупленькая, скорее напоминала подростка.

– Ну как тебе? – спросил Старков, разливая водку.

– Отлично.

– А ты думал! Эта банька, если хочешь знать, имеет богатую историю. Во времена «Дальстроя» здесь большие чекисты парились. Такое тут устраивали – «Декамерон» отдыхает. Имя, чекистам, что. Самых красивых зэчек выбирали. Тогда, знаешь, как женский этап приходил, так прямо-таки невольничий рынок начинался. Которые покрасивше – тех начальству, остальных – работягам. Умели ребята весело жить. Уважаю. Хоть и сам по ту сторону колючки трубил десять лет. Но они себе сделали свой мир, где что хотели, то и воротили. Ну да ладно. Давай-ка по второй.

– Геннадий Сергеевич, – осторожно начал Кот, – а все-таки что это за люди по нам лупили? Это ж прямо какой-то Дикий Запад...

– Дикий Восток! Это повеселее будет. А что такое, если вникнуть, тот же Дикий Запад? Сильные мужики ринулись за золотом, а закон за ними не поспевал. И все отлично. Сами решали – кто прав, кто виноват. У нас здесь тоже закон не поспевает. Есть, к примеру, в Атке мент участковый. Живет по соседству. Так его трезвым видят только по большим праздникам. Павло к нему уже с бутылкой побежал. А то, не дай бог, сюда на огонек зайвится. Пожировать на халяву.

– Так тут-то золото государственное.

– Золото, Леша, скажу тебе по секрету, бывает разное. Не только государственное. Так что нормальные мужики и тут смогут нормальную жизнь наладить. Не все ведь на государство пахать. Оно, конечно, это любит. Коммунистам страшно нравится, когда на них горбатятся. Это я хорошо знаю!

В голосе Старкова послышалось ожесточение, глаза сверкнули.

– Я за тобой наблюдаю, ты парень нормальный. Вот и подумай – почему ты должен работать на дядю, который сидит в большом кабинете и только и делает, что учит тебя жить? Я, если любопытно, знаешь, как сюда попал? В трюме парохода «Охотск» в тридцать четвертом. Тогда на месте Магадана стояла только база для якутов, а вокруг палатки. И не буду говорить, что безвинно меня сюда направили. Пусть так коммунисты кричат, которые друг друга стали жрать и в результате все здесь оказались. Те, кто не в могиле, конечно.

Старков выпил и продолжал с еще большим напором:

– А знаешь, за что я попал? Моего батьку кулаком объявили – потому что он работал, а не на печи лежал. Так он не стал ждать, пока за ним придут. Откопал обрез да с моими двумя старшими братьями да со мной в лес подался. Мне тогда шестнадцать было, в тридцатом. В конце концов попались, конечно. Я один в живых и остался. И на десять лет сюда... Вот эту трассу, по которой мы ехали, я строил. Летом – комары, зимой – метели и мороз под тридцать. А ты вкалывай. В обледеневшем бушлате. Кирками да лопатами работали. Лошадей жалели больше, чем нас. Потому что их мало было. Если возчик на сани присел – его под суд. Еще пятерку вешали – за вредительство. Так вот десятку и оттянул. А в тридцать седьмом продо-

вольствия не подвезли. Не сосчитали, сколько эков сюда переправили. Тогда все загибались – и мы, и чекисты. Знаешь, что такое цинга? Так вот лучше бы тебе этого и не знать никогда. Потом много начальников за это постреляли... В том числе и Берзина – того, который всю эту кашу заварил.

– А потом?

– А что «потом»? Стал вольняшкой. Это вроде как был рабом, стал крепостным «Даль-строя». Деньги, конечно, платили хорошие. Во время войны, когда на материке люди с голодухи пухли, тут все было – и тушенка, и водка, и сгущенка. Я много где работал. И шофером, и с геологами ходил. Всю Колыму облазил.

Старков обернулся к девицам, которые сидели тихо и не выступали.

– Девчонки, идите погуляйте. У меня к дружку разговор серьезный.

Когда за девушками закрылась дверь, Геннадий Сергеевич пристально и жестко посмотрел на Кота.

– Так вот, Леха. Я тебя конкретно спрашиваю. Ты, я вижу, парень крутой. И стреляешь без промаха. Так вот я и говорю – хочешь со мной? Заниматься настоящим делом? И не на государство работать, на себя. Честно скажу – дело это опасное. Ведь в следующий раз такие вот парни, которые сегодня по нам лупили, могут и не промахнуться. А могут и дяди с погонами явиться. Но ты, я гляжу, не трус. Так вот. Ты человеком себя будешь чувствовать. Серьезным человеком, а не винтиком, которому сказали копать – он копает. Saidali не копать, он не копает...

Вот оно, настало! То, ради чего капитан Мельников разговаривал с Котом.

– Ну что? Или ты комсомолец-активист?

– Какой я, на хрен, активист? За свою детдомовскую кашу и койку я этой власти отслужил... – Леха и сам не понимал, откуда к нему приходят нужные слова и интонации, но чувствовал, что говорить следовало именно так. – Я с вами готов. Только вот что делать-то?

– Расскажу со временем. Мы, брат, тут такие дела заворачиваем... Эй, красавицы, айда обратно!

Девицы вернулись к столу и облепили мужчин. Старков принял добродушный вид.

– Вот, сказал я про комсомольцев-добровольцев, и вспомнилось вдруг. Видал я здесь таких. Сначала-то ведь их силами собирались все это строить. Да только кишка у них оказалась тонка. Это ведь не на собраниях про мировую революцию кричать. Как морозы начались, так они всеми правдами и неправдами побежали на материк. Руки себе рубили топорами. Так ничего из того комсомольского путешествия путного и не вышло. Пришлось Чека звать и эков везти. Вот чекисты – те ребята крепкие.

– А я думал, вы их ненавидите.

– Не люблю, конечно, за что же мне их любить? Но уважаю. Сильные были мужики. Настоящие. У нас ведь, знаешь, о чем по лагерям шептались? Что Берзина и его людей не просто так, за здорово живешь, к стенке поставили. Говорили, мол, была у него мыслишка – чуть ли не отложиться вместе с Колымским краем.

– Ну это уж чересчур.

– А что? Ты в школе что-нибудь про Дальневосточную республику слышал? Если б не большевики тогда *там* верх взяли – все бы пошло по-другому. Вот и Берзин мог в один момент показать Москве фигу. Что ж, красавицы, давайте мою любимую затянем.

У девчонок оказались очень красивые голоса. Настоящие, русские, такие, которые сразу за душу берут. И под бревенчатыми сводами баньки зазвучала каторжная песня:

*Я помню тот Ванинский порт,
И дым пароходов угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт*

В холодные, мрачные трюмы.

*От качки страдали ээка,
Обнявшись, как кровные братья.
И только порой с языка
Срывались глухие проклятья.*

*За бортом стонал океан,
Ревела пучина морская.
Вставал на пути Магадан —
Столица Колымского края.*

*Я знаю — меня ты не ждешь.
И писем моих не читаешь.
Встречать ты меня не придешь,
А если придешь — не узнаешь.*

*Будь проклята ты, Колыма,
Что названа «черной планетой».
Сойдешь поневоле с ума.
Оттуда возврата уж нету.*

14 апреля 1966 года, Магадан

Последние два дня выдались донельзя суматошными. Старков метался по каким-то поселкам, конторам и утрясал разные служебные дела. Впрочем, Кота это не касалось. Но по дорогам баранку-то крутить ему. А вот сегодня в обеденное время, когда отъехали от геологической управы, шеф предложил:

– Слушай, Леха, давай-ка в ресторан. У меня к тебе большое дело есть.

В ресторане Геннадия Сергеевичу, как всегда, мгновенно очистили запасной столик и начали таскать разнообразные заказы. После того как налили коньяк, шеф нагнул к Коту.

– Леха, так вот, дело такое: мы собираемся в экспедицию. Я уже убедился, что ты не трус, но все-таки предупреждаю. То, чем мы тут развлекались со стрельбой и прочими радостями, – это так, разминка. Оттуда можем и не вернуться. Но если дело выгорит, то до конца жизни тебе не придется думать о деньгах. И детям твоим останется.

– Я ж вам сказал, Геннадий Сергеевич, я с вами. Что десять раз повторять?

– Ладно-ладно. Повторение – мать учения. Так вот, тогда я ставлю тебе задачу: нужно пойти в аэропорт и купить билет в славный город Владивосток. Прибыть туда и позвонить вот по этому телефону. Позвать Балыка. Сказать, что от Рваного. Это я, значит. Так меня за мою рожу прозвали. Он, когда услышит, что от меня, будет очень рад. Это дяденька очень серьезный и во Владике все его любят и ценят. А те, кто не ценят, так им же хуже. Назначь ему встречу. И когда встретишься, попроси помочь набрать рабочих. Мне для экспедиции нужны работяги. Десять человек. Ты, может быть, спросишь, почему не пойти прямо сейчас в «Поганку» и не набрать нужное количество?

– Я не спрашиваю. Вам виднее.

– А я объясняю. Потому что не люблю, когда люди делают дело, не понимая его смысла. Тогда они это дело делают плохо. Наша экспедиция не из тех, о которых должно быть кому-то известно. А Магадан ведь – это просто деревня. Тут как ни шифруйся, все равно вся «Поганка»

будет знать, что это я их нанял. А если «Поганка» знает, значит, весь город знает. А нам это совсем ни к чему. Поэтому скажи Балыку, что нужны люди надежные. Лучше – без ксив. Потому что такие в любом случае рот раскрывать не будут. Пусть он тебе даст наколку. Переговоры веди сам. Лично. Плату обещай такую – по восемь сотен в месяц. Чтобы не сомневались, всем, кто согласится, дай по сотне.

– А если они возьмут эту сотню да сразу в запой?

– А ты давай перед самой посадкой.

– Да, самый главный вопрос. Если они без ксив, как я их потащу?

– Поехали. Этот вопрос мы сейчас и будем решать.

И дело решили. Поехали в порт, поднялись на борт какого-то обшарпанного сухогруза – и все оказалось тип-топ. Капитан выразил полное согласие принять груз из бичей на борт.

25 апреля 1966 года, Владивосток

Погода стояла суровая. С океана сифонил свежий ветер, он гнал на берег громадные мутно-серые валы, украшенные, как положено, пенными финтифлюшками. Было холодно и неуютно. Несмотря на промозглые сумерки по набережной шаталось множество народа. Владивосток – это вам не Магадан, запертый в глухой угол России. Здесь всюду чувствовалась близость дальних морских дорог, ведущих во все стороны света. Поэтому значительный процент прогуливающихся на набережной составляли представители морского братства всех родов и видов. То и дело мелькали кители – с торговыми геометрическими узорами на погонах и с вполне военными просветами, дополненными самым разным количеством звездочек. Тут же фланировали ребята в форменках – в «мичманках» и в бескозырках. Никто никому не мешал. На набережной существовал негласный обычай, по которому здесь отменялись некоторые требования военно-морского устава. Старших по званию никто не приветствовал. Оно и понятно – иначе бы руки у всех отвалились от постоянного прикладывания к козырькам и бескозыркам. Впрочем, в Архангельске Кот наблюдал то же самое...

Многие из морячков прогуливались под руку с девицами – некоторые даже с двумя сразу. Это были, как правило, обладатели форменок или погонов с одним просветом. Обладатели более серьезных знаков различия вели дам постарше. Но все они, и девицы, и дамы, были надушены, разряжены в очень хорошие заграничные тряпки и крайне веселы. Те из моряков, кто пока еще пребывал в одиночестве, посматривали в сторону скамеек, на которых в большом количестве восседали незанятые особи женского пола. Словом, это было место большого «съема». Сидели тут парами хихикающие молодки, явившиеся сюда за приключениями, – и особы более потасканного и циничного вида, для которых набережная была рабочим местом. Штатские, которых в толпе тоже было немало, судя по всему, приводили женщин с собой. В деятельности здешней биржи девиц и теток они участия не принимали.

Леша шел по набережной, поеживаясь от океанского ветерка. На этот раз он оставил в Магадане свои шикарные доспехи и оделся как средний советский человек – в невыразительный пиджачный костюм. Он проворно огибал воркующие, флиртующие и хохочущие парочки, двигаясь к стеклянному кафе под характерным для этих мест названием «Волна».

Леша вошел в кафе. Помещение среднего размера было плотно уставлено столиками, за которыми сидела самая разнообразная публика, тоже в основном моряки. Девиц здесь почти не наблюдалось, как видно, этот гадюшник предназначался для любителей другого истинно морского развлечения: выпивки. Шум стоял неимоверный. Официантки в грязноватых фартуках каким-то чудом перемещались в этой тесноте, таская подносы с бутылками и закусками. Кот протиснулся к одной из официанток.

– Мне нужен Балык.

Та смерила его с ног до головы оценивающим взглядом.

- Он всем нужен.
- Он сам мне тут встречу назначил.
- Вон там, видишь? В углу сидит.

Она показала в угол заведения, где за столиком сидел в одиночестве посетитель, перед которым стояла всего лишь бутылка пива. Кот подошел к нему.

- Вы Балык?
- Ну, допустим. А ты-то кто?
- Я вам звонил сегодня из аэропорта. Я от Рваного.

Балык был мужчиной неопределенного возраста с круглой добродушной физиономией, с которой как-то не сочетались колючие цепкие глаза. Одет он был в обычный обтерханный пиджачок, а на левой руке горело «северное солнце» – татуировка, которую наносили те, кто побывал за полярным кругом не по своей воле. Он стрельнул глазами в Кота и, по крайней мере на вид, остался доволен осмотром.

- Ты, значит, Кот? Ну, садись. Пить будешь?
- Буду.
- Эй, Марта, бутылку и две порции солянки! – крикнул он, даже не обернувшись.

Одна из официанток, которых другим посетителям приходилось долго и упорно дозывать, тут же метнулась в сторону кухни.

К этому человеку Леху послал Старков, сказав, что он, мол, по старой дружбе окажет любую помощь. Прохоров при очередной встрече притащил от Мельникова все, что удалось узнать об этом человеке. Неизвестно зачем, но Прохоров поведал и то, чего явно не было в официальных справках. Тип, с которым Кот сейчас сидел за столиком, был весьма интересным персонажем.

Он являлся сыном некоего комбрига Абросимова. Во время Гражданской войны этот красный командир более всего прославился массовым применением децимаций. Поэтому неизвестно, кто его больше боялся – свои или чужие. Потом Абросимов еще больше отличился в 1920 году во время крестьянских восстаний на Тамбовщине, приказав стрелять газовыми снарядами по лесам, где скрывались повстанцы. Это показалось чересчур крутым даже большевикам – и Абросимова хотели шугануть из армии, но, по слухам, за него вступился сам Тухачевский. Под его мощным прикрытием карьера Абросимова двигалась вполне успешно, пока не погорел сам маршал. В результате, когда покровителя послали в расход, комбриг, ставший японским шпионом, отправился на 25 лет на народные стройки социализма. Его четырнадцатилетний сын Сережа, соответственно, в детский дом. Но там ему не понравилось – и он вскоре сделал оттуда ноги. Во время скитаний по стране его подобрала, обогрела и приставила к делу банда домущников. В новой компании Сережа быстро освоился и в 1939 году отправился вслед за папой – с той лишь разницей, что не за политику, а за вульгарную уголовщину. Оказался на Колыме, где прислонился к «черной масти». Среди блатных он сделал хорошую карьеру и довольно быстро стал «вором в законе». Вскоре после освобождения попался на ограблении продовольственного магазина в Среднекане. То есть, даже не выехав с Колымы, снова отправился в лагерь. Ну и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.